

РОЛЬ ПОЛЬСКИХ ДИПЛОМАТОВ-АРМЯН В ТУРЕЦКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА

Г. П. ПИНГПРЯН

Проблема внешнеполитических отношений Османской империи со странами Центральной и Восточной Европы в XVI—XVII вв. пока еще мало изучена¹, хотя интерес к ней в турецкой и польской исторической литературе в последнее время значительно возрос. Об этом свидетельствует выход в свет нескольких новых работ турецких историков Ф. Р. Уната, О. Л. Баркана и Кемаля Бейдильли². Еще больше подобных изданий в польской исторической литературе. В Польше за последние три десятилетия появились публикации источников по этой проблематике, например, такие, как книга А. Прибоса и Р. Желевского «Дипломаты давних времен»³, ценный «Каталог документов турецких»⁴, которые были обнаружены в польских архивах и хранилищах рукописей тюркологом З. Абрахамовичем и им же изданы. Наконец, следует отметить вышедшую в 1966 г. итоговую монографическую работу польских историков «Дипломатическая служба Польши в XVI—XVIII вв.» и «История польской дипломатии»⁵, в которых, однако, не акцентирована деятельность польских армян на дипломатическом поприще. Имеется лишь мимолетное упоминание имен нескольких дипломатов-армян при рассмотрении деятельности польской дипломатической службы на протяжении XVI—XVII вв. Вместе с тем издана прекрасно аргументированная, основанная на многочисленных архивных документах и нарративных источниках, обширная статья видного историка, востоковеда-тюрколога Богдана Барановского «Армяне на дипломатической службе Речи Посполитой»⁶, которая вошла затем, в качестве одной из глав, в его монографию «Знакомство с Востоком в средневековой Польше»⁷. Аналогичная работа касательно свя-

¹ Первой попыткой ее освещения советскими историками является недавно изданная сводная работа московских ученых (Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. М., 1984), в которой кратко изложены главные тенденции политических взаимоотношений этих стран по 70-е годы XVI в.

² F. R. U n a t. *Osmanlı sefirleri ve seferetnameleri*. Ankara, 1968 (Османские послы и посольские донесения. Анкара, 1968); Ö. L. B a r k a n. *L'empire Ottoman face au monde chrétien au lendemain de Lepante*.—In: *Il Mediterraneo nello seconda metà del'500 alla luce di Lepanto*. Firenze, 1974, pp. 95—107; K e m a l B e y d i l l i. *Die polnischen Königswahlen und Interregnen von 1572 und 1576 im Lichte osmanischer Archivalien* (Ein Beitrag zur Geschichte der osmanischen Machtpolitik). München, 1976.

³ A. P r z y b o s i R. Z e l e w s k i. *Dyplomaci w dawnych czasach. Relacje staropolskie XVI—XVIII stulecia*. Kraków, 1959.

⁴ *Katalog dokumentów tureckich* (Dokumenty do dziejów Polski i krajów osłcennych w latach 1455—1672). Oprac. Z. Abrahamowicz, Warszawa, 1959.

⁵ *Polska służba dyplomatyczna XVI—XVIII wieku. Studia pod redakcją Z. Wójcika*. Warszawa, 1966; *Historia dyplomacji polskiej*, t. 1, 2. Warszawa, 1980, 1982.

⁶ B. B a r a n o w s k i. *Ormlanie w służbie dyplomatycznej Rzeczypospolitej*.—*„Myśl Karaimska”*, t. 1, Wrocław, 1946, s. 119—137.

⁷ B. B a r a n o w s k i. *Znajomość Wschodu w dawnej Polsce do XVIII wieku*. Łódź, 1950.

зей Польши с Востоком в XVIII в. опубликована востоковедом Яном Рейхманом⁸. Эти исследования Б. Барановского, Я. Рейхмана, а также А. Зайончковского⁹ являются первым опытом в деле изучения роли и места польских армян в связях Польши с Востоком. Армянские историки оперируют в основном теми данными, которые содержатся в этих работах польских востоковедов. Ныне созрела необходимость продолжить начатую ими работу, дополнить ее новыми документальными материалами, главным образом из неиспользованных польскими учеными архивов Львова, Киева, а также данными армянских источников.

В настоящей статье затрагиваются некоторые малоизученные аспекты деятельности польских армян—дипломатов и купцов—в осуществлении политических контактов Турции с Польшей. В ней на основе архивных материалов освещается характер выполняемых польскими армянами дипломатических миссий в Турции и та важная, порою решающая роль, которую сыграли дипломаты-армяне в бурные, насыщенные военными тревогами и столкновениями годы первой четверти XVII в., особенно же в критические дни заключения в Стамбуле в 1623 г. Хотинского трактата о мире между Турцией и Польшей.

Источники свидетельствуют, что польская дипломатическая служба в Турции и Иране в значительной степени осуществлялась в XVI—XVII вв. польскими армянами, пришедшими на службу в королевскую канцелярию из сферы торговли и имевшими большой жизненный опыт и широкие политические и экономические связи на Востоке. В большинстве случаев это были полиглоты. Знание восточных языков, правов и обычаев турок, крепкие связи с армянами Стамбула, Анкары, Адрианополя, Бурсы, Измира и других городов, осведомленность в вопросах восточного этикета, умение наладить контакты с придворными кругами и приближенными султана и везирем—все это было присуще им, выполнявшим в Османской империи дипломатические поручения, и приносило успех их (иногда весьма ответственным) миссиям. Украинский историк П. Линниченко, характеризуя общественную роль армян в истории Юго-Западной Руси, в частности, писал: «Условия жизни делали из каждого армянина настоящего дипломата *de facto*. Не удивительно поэтому, что армяне весьма часто являются и дипломатами *de jure*. Никто лучше армян не знал обычаев и привычек татар, турок и других восточных народов, с которыми их ежедневно сталкивали торговые обороты. Кому же, как не армянам, было поручать рискованное дело дипломатических переговоров с искуснейшими дипломатами того времени, людьми Востока, когда мелкое нарушение этикета, неловкая фраза, нарушение пустой, на взгляд горделивого шляхтича, формальности могли в самом начале расстроить дипломатическую кампанию на Востоке? Кто, наконец, из шляхтичей того времени мог похвастаться подобными лингвистическими способностями, какими обладал каждый заурядный армянин?... Поэтому-то, хотя во главе дипломатических миссий на Восток и стоял обыкновенно шляхетно урожденные поляки, какой-нибудь знатный магнат или молодой член важной шляхетской фамилии, начинающий свою дипломатическую карьеру, однако послом *de facto* является состоящий при нем в скромной роли драгомана армянский купец»¹⁰.

Чрезвычайно велика роль славяноких стран, в том числе Польши и Украины, в истории армянских поселений на протяжении всего средневековья. Города Речи Посполитой, гостеприимно приютившие армянских переселенцев, явились фактически второй родиной для них. Вот почему в армянских источниках того времени—хро-

⁸ Jan Reychman. *Znajomość i nauczanie języków orientalnych w Polsce XVIII wieku*. Wrocław, 1950.

⁹ A. Zajączkowski, J. Reychman. *Zarys dyplomatyki Osmańsko-tureckiej*. Warszawa, 1955; J. Reychman, A. Zajączkowski. *Handbook of Ottoman-Turkish diplomacies*. Hague-Paris, 1968.

¹⁰ И. Линниченко. Общественная роль армян в прошлом Юго-Западной Руси.—Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Кн. IX, Киев, 1895, с. 6—7.

никах, памятных записях манускриптов о Польше и Украине с признательностью говорится как о «*hish i gniqsh tsh ishng*» («Польском и украинском доме армян»).

Первая четверть XVII в. была временем экономического и культурного расцвета армянских поселений в Польше, разместившихся более чем в пятидесяти городах страны, главным образом на ее юго-восточных границах, в городах—центрах торговли с Востоком, расположенных на путях караванной торговли с Турцией и Крымом. Самые значительные поселения армян были во Львове (где одну шестую часть населения составляли армяне) и пограничном Каменце-Подольском, где они составляли треть жителей города. Торговля с Турцией приносила огромные доходы армянскому купечеству Польши, о чем свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении данные реестров пошлин, уплачиваемых армянами на Каменецкой и Снятинской таможнях—так называемый «четвертый грош» за привозимые из Турции богатые караваны товаров. Укажем, например, что лишь за один 1616 г. прибыль каменецкого купца Сефера Нуриджановича составляла 9420 золотых талеров, а купца Багдасара Оганесовича—свыше 11 тысяч¹¹.

Существовал ряд крупных торговых семейных фирм львовских армян, которые имели свои торговые представительства в Стамбуле и других городах Османской империи. Эти так называемые «торговые дома» Бернатовичей, Акосовичей, Оганесовичей, Муратовичей, Вартерисовичей и Серебковичей проявляли интерес не только к торговой конъюнктуре, но и к военно-политическому и экономическому положению Османской империи.

Деятельные и предприимчивые, армянские купцы вели с большим риском для жизни караванную торговлю с Турцией: участие в караване, идущем на Восток, в те времена было равносильно участию в военной экспедиции. Как замечали старейшины армянской общины Львова в городском магистрате, «наша молодежь... с 16—18-ти лет привыкла ездить по купеческим делам к туркам и за море в восточные страны, так что их по году, а иногда и больше дома не бывает. В этих поездках при караване они часто подвергаются опасности и упражняются в стрельбе, когда на них нападают сотни татар, опришков¹² и разбойников, и они должны отстреливаться от них»¹³.

Путь торгового каравана от Львова до Стамбула занимал около месяца. И все же в течение года армянские купцы из Польши совершали по несколько поездок в крупные города Османской империи, где они прекрасно освоились, обрета обширные связи. Польская исследовательница Л. Харевичева писала, что «львовские армяне имели большие доходы, и хотя они не были многочисленны, однако подвижностью своею вводили в заблуждение современников о своей численности до такой степени, что путешественник Дециуш заявлял: «*Parthi Poloniam occupant Armeni*» («Частично Польшей владеют армяне»)»¹⁴, что было, разумеется, преувеличением.

¹¹ Центральный государственный исторический архив УССР во Львове (далее—ЦГИА УССР во Львове), ф. 52, оп. 2, т. 399 (Львовские войтовские акты), лл. 1308—1310.

¹² Опришки (от *opressor*—уничтожитель [шляхты, арендаторов])—в XVI—XVII вв. участники народно-освободительной борьбы в Галицкой Русь, Закарпатье, Буковине против феодально-крепостнического гнета. Нападали на шляхтские поместья, иногда—на торговые караваны богатых купцов.

¹³ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 2, т. 48 (Акты Львовского магистрата), с. 605—606.

¹⁴ L. Charewiczowa. Ograniczenia gospodarcze nacyj schizmatyckich i zydow we Lwowie.—Kwartalnik historyczny, t. XXXIX. Lwów, 1925, s. 207. Л. Харевичева, по-видимому, имеет в виду видного польского дипломата XVI в. и его сочинение: *Jodoci Ludovici Decii. De Sigismundi regis temporibus liber* (1521), wyd. W. Czermak. Kraków, 1901.

В Константинополе постоянного посольства Польша не имела и ограничивалась посылкой время от времени в Высокую Порту посольств во главе со знатными вельможами. Это были, согласно собранным нами данным, посольства: князя Гурского—в 1613 г., Тарговского—в 1614 г., королевского коморника¹⁵ Чудовского и Корицкого—в 1618 г., магната Отвиновского—в 1619 г., князя Збаражского—в 1622—1623 гг. и львовского горожанина, армянина Хачатура Серебковича (Серебряна)—в 1623 г., получившего от короля Сигизмунда III за успешно выполненную миссию титул королевского секретаря.

При подобной ситуации особую ценность приобретали те сведения политического и военного характера, которыми снабжались королевская канцелярия и коронный гетман Станислав Конецпольский при посредстве гонцов. Ими также были армяне, например, Стефан Серебкович из Львова, Минас Хачерович из Каменца—Подольского и др.

На службе у гетмана Станислава Конецпольского состояли армяне Марк Сергиёвич, Озаннес Ромашкович и Ованнес Пиотрович. О значительности услуг Марка Сергиёвича свидетельствует выданная гетманом охранная грамота, освобождавшая Марка Сергиёвича от уплаты таможенных пошлин во время поездок в Турцию. Этот документ, хранящийся во Львовском историческом архиве, в частности, гласит: «Дом Марка Сергиёвича, как подручного слуги моего, оказывающего важные услуги Речи Посполитой, должен быть огражден от постоя всяких гостей, для чего приказываю герб свой шляхетский прибить над дверями его дома в Каменце и предупреждаю, что причиненные ему кем-либо обиды за мои личные буду почитать»¹⁶.

Ованнес Ромашкович был известным дипломатом XVII в. Он 30 лет прослужил в королевской канцелярии и был удостоен высокого титула королевского секретаря. Свою дипломатическую карьеру Ромашкович начинал также в Стамбуле в качестве представителя гетмана С. Конецпольского. Из турецкой столицы он посылал самые разнообразные сведения о подготовке османами войны против Польши. Его отчет о пребывании в столице Османской империи был представлен в королевскую канцелярию и сохранился до наших дней¹⁷.

В актах армянского магистрата г. Каменец-Подольский сохранились сведения и о другом армянском дипломате той эпохи Ованнесе Пиотровиче, который называет себя «службой ясновельможного господина воеводы Саидомирского, гетмана коронного», «выполняющим важные поручения своего господина, весьма необходимые Речи Посполитой»¹⁸.

Документальные материалы архивов Украины сообщают конкретные данные об армянах, сопровождавших названные посольства в Стамбул в качестве секретарей посольств, переводчиков-толмачей, игравших важную, порой решающую роль в переговорах при султанском дворе. Ими были в начале XVII в. Ивашко Вартерисович, Сефер Муратович, армянин Томаш из Каменца, львовянин Симон Вартерисович, пользовавшийся большим доверием короля Сигизмунда III, который поручал ему особо ответственные миссии. В одном из заявлений львовские армяне, обращаясь к Симону Вартерисовичу, говорили: «Ты—наш старейшина, тебе надлежит защищать наши права, нашу религию и церковь армянскую, тебе все пройдет, так

¹⁵ Коморникамп назывались королевские придворные высшего ранга из числа дворян, которые выполняли различные служебные поручения короля, в том числе и дипломатические.

¹⁶ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 2, т. 398, с. 2032.

¹⁷ См. издание этого отчета: „Essentialia relacji piejakiego Romaszkiewicza, służy pa pa Krakowskiego, który powrócił z Konstantynopolu od Mehmet Baszy Kajstakana 22 stycznia 1640 roku.—Przyjaciel ludu, 1844, № 7, s. 50—53.

¹⁸ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 39, оп. 1. Акты армянского магистрата города Каменец-Подольский, т. 33, л. 211об.

как с тобой считаются, имеешь ты важные дела при дворе его королевского величества»¹⁹.

На дипломатической службе Польши было немало армян, занимавших менее значительные посты и являвшихся гонцами, дипкурьерами. Они были, например, львовяне Стефан Давидович, Стечко Серебкович²⁰ (Серопян), Бенедикт Бернатович²¹ и Григорий Захнович²², а также жители Каменца-Подольского Асвадур, сын Хачко²³, Грагор, сын Хиймата²⁴ и др., деятельность которых протекала в конце XVI—начале XVII вв. Все они были тесно связаны с королевской канцелярией и выполняли задания ее руководителей, которым, в частности, в первой трети XVII в. был коронный канцлер Якоб Задзик (Jacobus Zadzik), видный государственный и политический деятель, широко образованный человек, известный собиратель рукописей и документов по истории Польши²⁵. Был он епископом Хелмским, затем Краковским; в 10—20-х годах XVII в. Якоб Задзик был секретарем королевской канцелярии, а с 1626 г. — коронным канцлером Польши; умер в 1642 г. в возрасте 60 лет. Канцлер Задзик находился в тесных контактах с армянскими колонистами, выполнявшими многие его поручения дипломатического характера, как, например, с львовянином Бенедиктом Бернатовичем, именовавшимся в городских актах Львова как „Reverendi Domini Jacobi Zadzik, episcopi Culmensis, Supremi Regni Cancellary famulus“ («слуга достопочтенного господина Якоба Задзика, епископа Хелмского, Верховного канцлера королевства»)²⁶. Его национальная принадлежность неясна и вопрос о ней до сих пор остается открытым. Его фамилия Задзик (Zadzik), явно неславянского происхождения, очень близка и по написанию и по звучанию армянскому *Զատիկ* (Затик), весьма распространенному среди армянских колонистов Речи Посполитой, среди которых, по архивным данным, встречаем массу Задиковичей (Zadykowicz). По-видимому, канцлер Якоб Задзик происходил из издревле поселившихся на Холмшине и быстро ассимилировавшихся армянских колонистов католического вероисповедания, которых в XII—XIV вв. было значительное число как здесь, так и во Львове, где существовали два униатских ордена: «братьев-униатов», связанных с доминиканцами, и армян-униатов; епископ Якоб возглавлял епархию армян-католиков, число которых резко уменьшилось к концу XIV—началу XV в.²⁷ Город Хелм (укр. Холм, юго-восточнее Люблина) был наряду с Луцком, Владимиром, Галичем, Львовом, Каменцем и Киевом, одним из древних центров поселения армян в XII—XIII вв.²⁸ Хелм, по данным папского нунция в Польше Ю. Ругнери (1566—1568), был резиденцией не только римско-католического, православно-украинского, но и армяно-католического епископа²⁹, а по сведениям Шимона Окольского (1580—1653), здесь в XVI в. римско-католическим епископом был доминиканец, армянин по происхождению, Стефан³⁰. Поэтому не случайно, что Хелмский католический епископ, вероятно, выходец из колонизирован-

¹⁹ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 2, т. 45, с. 2262.

²⁰ Там же, т. 399, Львовские войтовские акты, с. 589—590.

²¹ Там же, ф. 9, оп. 1, т. 381, Львовские городские акты, с. 878.

²² Там же, ф. 52, оп. 2, т. 396, Львовские войтовские акты, с. 1013.

²³ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 39, Акты армянского магистрата г. Каменец-Подольского, оп. 1, д. 8, л. 258.

²⁴ Там же, д. 15, л. 340б.

²⁵ См. о нем: „Ukrainne sprawy (Przyczynek do dziejów polskich i tureckich XVII wieku)“, wydał S. Przylęcki, Lwów, 1842, s. VI—IX.

²⁶ ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, оп. 1, т. 381, Львовские городские акты, с. 878.

²⁷ W. I. Abraham. Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi, t. 1. Lwów, 1904, p. 349—353.

²⁸ G. Petrowicz. La Chieza Armena in Polonia, parte 1, Roma, 1971, p. 7.

²⁹ Ibid., p. 147.

³⁰ S. Okolski. Russia florida iosis et illis, Lwów, 1646, p. 72.

ной армяно-католической семьи, носил имя Jacobus Zadzik. В свете этих данных становятся понятными те тесные контакты, которые существовали между коронным канцлером Польши, руководившим внешнеполитическим ведомством страны в первой половине XVII в., т. е. в период необычайного обострения турецко-польских отношений, и армянскими колонистами Речи Посполитой, с помощью которых реализовывался ее внешнеполитический курс на Востоке.

В круг обязанностей армянских дипломатов, направлявшихся в Стамбул, входило не только ведение переговоров и участие в заключении договоров, но очень часто также и выкуп из турецкого плена видных польских политических и военных деятелей (например, князя Стефана Потоцкого³¹), иногда—вплоть до организации побега их из тюрем столицы Османской империи. В этом отношении весьма характерен наделавший много шума случай с освобождением князя Самуила Корецкого, организованным львовским купцом и дипломатом Миколоем Аветиковичем. Он приехал в Стамбул в 1617 г. с целью организовать побег и освободить из неволи выдающегося полководца Речи Посполитой С. Корецкого, томившегося уже год в суровом Семибашенном замке (Едикуле) в Стамбуле³².

Он, строго охранялся янычарами, и ещё не было случая, чтобы кто-либо из узников бежал из этой тюрьмы. При содействии французского посла в Стамбуле графа де Сези, с которым Миколой Аветикович вошел в контакт, в заговор был вовлечен французский капитан, служивший в охране башни, была также подкуплена либо устранена часть турецкой стражи, и организованный Миколоем Аветиковичем беспрецедентный побег князя Корецкого из тюрьмы завершился успешно. Самуил Корецкий был надежно спрятан в доме у одного стамбульского купца-армянина в предместье столицы—Галате, где он находился 40 дней, пока не прекратились его поиски турками на морских и сухопутных дорогах, ведущих из Стамбула во все концы страны. И в то время как турецкий посол в Варшаве заявлял демарши королю Сигизмунду III, полководец С. Корецкий был тайно вывезен на корабле в Италию, а оттуда благополучно прибыл в Польшу. И в 1620 г. спасенный армянами полководец Самуил Корецкий вновь встал во главе польских войск в битве с турецкой армией под Цецорой.

Однако организатор побега Миколой Аветикович и помогавший ему французский посол де Сези были схвачены турками. Посол откупил себя, свою семью и весь штат посольства, также подвергшийся тюремному заключению, заплатив высоким должностным лицам султанского двора 30 тысяч талеров, Миколою же Аветиковичу грозила смертная казнь. И лишь благодаря ходатайству стамбульских армян, пустивших в ход все свои связи в придворных султанских кругах, и собранная ими большая выкупная сумма, отданная туркам, спасла М. Аветиковича от верной гибели. Об этом ярком эпизоде из практической деятельности польских армян в Стамбуле свидетельствуют достоверные данные из актов войтовского суда города

³¹ Об этом см.: ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 2, т. 398. Львовские войтовские акты, с. 445—447, а также свидетельства армяно-кипчакской «Летописи Каменца»: S. Väsary, Armeno-kipchak Parts from the Kamenets Chronicle.—Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, t. XXII(2), Budapest, 1969, p. 157; Տարեգրք Կամենեցւոյ. —В кн.: Ղ. Ալիշան. Կամենեց, Տարեգրք հայոց լեհաստանի եւ Ռուսիայի. Վենետիկ, 1896, էջ 82:

³² В Семибашенном замке султан Сулейман I Кануни (1520—1566) хранил свои огромные сокровища; впоследствии башни замка использовались в качестве тюрьмы для впаавших в немилость видных политических и военных деятелей, а также дипломатов тех стран, которые находились в состоянии войны с Османской империей. См. L. Kinross, The Ottoman centuries. The Rise and Fall of the Turkish Empire. London, 1977, pp. 398—399; Toy. Castles of the Bosphorus.—In: Archaeologia, vol. 80, 1944, pp. 220—228.

Львова³³, а также обстоятельное сообщение армяно-кипчацкой «Каменицкой хро-
ники», автор которой завершает свое повествование о бегстве С. Корецкого такими
словами: «И много людей было уничтожено в то время в Стамбуле—стражей и
других лиц, которые охраняли башню, так как до тех пор не было случая, чтобы
какой-либо пленник мог бежать из Стамбула и из этой башни»³⁴.

Торговля с Востоком была главной сферой деятельности польских армян, глав-
ным источником их доходов, их существования. Они сосредоточили в своих руках
нити торговых связей с Османской империей. Однако спецификой положения армян
в польских и украинских городах было то, что ввиду конкуренции католического
купечества и ремесленных цехов, наделенных большими привилегиями, для армян-
ских горожан в Речи Посполитой существовали ограничения в ведении торговли
внутри страны и запрет на занятия рядом ремесел. Поэтому положение армянского
купечества весьма осложнилось, когда возникали военные действия на границах с
Османской империей и магистраты польских городов с большой готовностью вы-
полняли указ короля об отстранении армян от торговли с Турцией³⁵. Естественно,
что главное острое целенаправленной деятельности армянских купцов и дипломатов
из Польши было направлено на то, чтобы добиваться сохранения мирных отношений
Польши с Османской империей. И поскольку интересы польских армян всегда были
связаны с восточной торговлей, поэтому в составе почти каждой дипломатической
миссии, едущей в Стамбул, мы видим немалое их число, а в перипетически возоб-
новлявшихся (главным образом при восшествии на трон нового короля или сул-
тана) турецко-польских мирных договорах неизменно присутствуют пункты, опре-
деляющие права, условия торговли и льготы для купцов из Польши (иногда прямо
называемых армянскими купцами) в пределах Османской империи³⁶.

Эта «примирительная» тенденция в политической деятельности польских армян,
стремившихся к сглаживанию частых в этот период турецко-польских конфлик-
тов³⁷, иногда во время особо тяжелой внешнеполитической ситуации для Польши
имела весьма положительное значение и играла немаловажную роль в деле сох-
ранения независимости страны, стоявшей на грани военной катастрофы. Ярким
примером тому может служить история с заключением Хотинского мирного трак-
тата в феврале 1623 г.

Первые два десятилетия XVII в. характеризовались резким обострением поль-
ско-турецких отношений, что было вызвано разбойничьими нападениями вассала
Турции—Крымского ханства. Татары почти ежегодно опустошали многие области
Украины. Ответные походы украинских казаков, нападавших на своих быстроход-
ных чайках на Кафу, города и поселения черноморского побережья Турции, вплоть
до Стамбула, наводили страх на население и вызывали раздражение у османских
правителей в Стамбуле. Меры, предпринятые в связи с рядом изданных султанами
указов о том, чтобы турецкий флот и армия не допускали казачьи чайки к турец-

³³ ЦГИА СССР во Львове, ф. 52, оп. 2, т. 398 (Львовские войтовокские акты),
лл. 2182—2483.

³⁴ *Стамбульские хроникальные заметки*. Ч. *Արշակի Կամենիի*, Էջ 81—82, S. Vasarj. Armeno-
kipchak Paris from the Kamenets Chronicle, p. 156—157.

³⁵ L. Charewiczowa. Ograniczenia gospodarcze nacyj schizmatyckich...,
s. 207—208.

³⁶ «Katalog dokumentow tureckich», № 5, s. 24, 1489 г.; № 9, s. 27, 1491 г.; № 11,
s. 29, 1502 г.; № 138, s. 138—139, 1553 г.; № 168, s. 165—166, 1562 г.; № 226, s. 217—
218, 1577 г.; № 235, s. 225—226, 1591 г.; № 238, s. 229, 1597 г.; № 241, s. 232—233,
1598 г.; № 254, s. 245, 1621 г.; № 256, s. 246—247, 12—21. II. 1623 г.; № 259, s. 251,
10.X.1623 г.

³⁷ Подобная тенденция наблюдалась также и у венгерских армян. Об этом
пишет венгерский арменовед Э. Шюц в статье, освещающей деятельность армян
во время осады и взятия Буды в 1686 г. (см. Э. Шюц. Новые данные о Габриеле
Токатеши.—Известия АН АрмССР, обществ. науки, 1961, № 1, с. 103—106).

ким берегам³⁸, оказались малоэффективными. Тогда решено было отправиться военным походом на Польшу. И вот юный султан Осман II во главе 100-тысячного войска подошел к крепости Хотин, где в августе—сентябре 1621 г. разыгрался ряд кровопролитных сражений с польской армией. И хотя армия Османа II потерпела поражение, но было обескровлено и польское войско. В итоге было заключено перемирие, обе стороны договорились, что окончательный текст мирного договора будет подписан в Стамбуле и вручен там послу Польши. В ноябре 1622 г. в Турцию прибыла большая миссия польского посла князя Кжиштофа Збаражского³⁹, в составе которой было несколько сот человек свиты, в их числе несколько десятков армянских купцов и дипломатов из Польши, выполнявших функции переводчиков, агентов, секретарей, гонцов. Но пышное, дорогостоящее посольство князя К. Збаражского долго не могло совершить торжественного въезда в столицу Османской империи. Здесь было тревожное положение. Еще не улеглись полностью волнения среди жителей Стамбула и в войске янычар, в результате бунта которых в мае 1622 г. был убит султан Осман II (1618—1622), вернувшийся с поражением из похода на Польшу. В столице раздавались призывы отправиться с новой войной на «гяуров». Эти длительные волнения в Стамбуле, приведшие к убийству Османа II и восшествию на престол султана Мустафы I, детально описаны армянским историком XVII в. Григором Дарапахци⁴⁰, современником этих событий, и историком П. Хаммером⁴¹, использовавшим широкий круг турецких источников XVII в.

Положение усугублялось тем, что запорожские и черноморские казаки в течение лета и осени 1622 г. неоднократно совершали морские походы на города и поселения черноморского побережья Турции. Так, весьма значительным был поход 30 казацких чаек, появившихся осенью 1622 г. недалеко от Стамбула, в 15 лье⁴² от города, что вызвало большой страх и недовольство в османской столице. Как писал французский посол де Сези, «весть о казацких чайках на Черном море пугала турок больше, чем чума в Морее или Бербернии»⁴³. Поэтому близко подъехавшие к Стамбулу по сухопутной дороге участники посольства К. Збаражского не решились въехать в столицу, ибо наблюдали полыхавшие на горизонте вдоль черноморского побережья Турции зарева пожаров⁴⁴—результат нападения украинских казаков, дошедших вплоть до Ени-кёя⁴⁵.

Пришлось вмешаться в дела Запорожской Сечи специальной комиссии польского короля, по настоянию которой запорожцы обещали, что пока не будет

³⁸ А. С. Тверитинова. Второй трактат Кочубея.—Ученые записки Ин-та востоковедения, т. VI, М.—Л., 1953, с. 239, 249.

³⁹ Подробнее о посольстве К. Збаражского см. в кн.: Османская империя в первой четверти XVII века (сборник документов и материалов). М., 1984, с. 102—148, 176—181.

⁴⁰ ժամանակագրութիւն Գրիգոր վարդապետի Կամախեցու կամ Դարանդցու, Երևան, 1915, էջ 205—210, 613—614.

⁴¹ J. Hammer-Purgstall. Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. II, Pest, 1840, S. 795—309.

⁴² Лье (фр. lieue)—старинная французская мера длины, равная 4,5 км. Следовательно, расстояние в 15 лье от Стамбула, куда доходили казаки, равно 67,5 км.

⁴³ См. М. Грушевський. Історія України-Руси, т. VII (Козацькі часи—до року 1625). Київ—Львів, 1909, с. 495.

⁴⁴ См. сообщение об этом участника посольства К. Збаражского в Турцию польского поэта Самуила Твардовского, подробно изложившего историю этого посольства в поэме-хронике, изданной впервые в Кракове в 1633 г.: Samuel Twardowski. Przewazna legacya ksiazęcia Krzysztopia Zbaraskiego... od krola Zygmunta... do najpotężniejszego soltana, cesarza Tureckiego Mustafy w roku 1621. Wilno, 1706.

⁴⁵ Հայերն ձեռագրերի Ժէ դարի հիշատակարաններ (1621—1640), հատ. Բ, կազմեցին՝ Վ. Հակոբյան, Ա. Հովհաննիսյան, Երևան, 1978, էջ 128—129.

заключен мирный договор с Османской империей и пока не вернется в Польшу посол К. Збаражский, они не будут ходить на море⁴⁶.

В создавшейся ситуации «великий посол» Речи Посполитой К. Збаражский и его польские приближенные долгое время, пока велись переговоры с казаками и бурлил мятеж в столице османов, боялись показаться в Стамбуле и отсиживались вне города, поручив дело заключения Хотинского мирного договора армянским дипломатам и купцам—многоопытному Кжиштофу Серебковичу (Хачатуру Серебряну), уже длительное время находившемуся в Стамбуле и подготовившему соответствующую почву для мирного урегулирования турецко-польского конфликта, а также приехавшим с посольством Симону и Ованнесу Вартерисовичам, Миколаю Аветиковичу и др.

И даже в столь сложных условиях армянские дипломаты смогли найти путь в султанский дворец, наладить контакты с везирем и министром финансов, смогли добиться заключения окончательного мирного договора, так называемого Хотинского мирного трактата (февраль 1623 г.)⁴⁷. Мир для Польши был на этот раз фактически куплен армянским купечеством вместе с правом для него вести свободную торговлю в пределах Османской империи на основе полученных за большие суммы торговых привилегий. Обо всем этом свидетельствует обнаруженный нами во Львовском историческом архиве интересный документ—финансовый отчет Кжиштофа Серебковича послу К. Збаражскому, проливающий свет на обстоятельства и пути заключения Хотинского трактата о мире с Турцией в феврале 1623 г., а также на большую роль, которую сыграли армянские дипломаты и купцы в деле его заключения. Текст этого отчета Кжиштофа Серебковича (в нашем переводе с латинского и польского) гласит:

«Составлено 16 февраля 1623 г. во время пребывания в Константинополе при его милости после [князе Збаражском] в связи с заключением пакта о мире и получении эмиров⁴⁸ купеческих у султана Порты Оттоманской и у его казначеев.

1. Маршалку⁴⁹ везира-башни по поводу левковых талеров⁵⁰, чтобы везир уверился в том, что купцы будут от них платить [пошлину] и чтобы это вновь было вписано в пакт,—дал рысьих меховых хребтовых шкурок, за которые заплатил—10.000 аспр⁵¹

⁴⁶ М. Грушевский. Історія України-Руси, т. VII, с. 496.

⁴⁷ См. публикацию этого договора в кн.: „Katalog dokumentów tureckich“, dok. № 255, s. 246—247.

⁴⁸ Эмир—приказ, указ султана; здесь под эмирами подразумеваются привилегированные грамоты султанской администрации, дающие иностранным купцам право на ведение торговли в Османской империи. См. об этом два документа: ЦГИА УССР в Киеве, ф. 39, т. 33 (Акты армянского магистрата г. Каменец-Подольский), л. 395 об. и ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 2, т. 523 (Акты армянского суда г. Львова), с. 1946, содержащие заявление львовского армянского купца Шимона Голубовича о том, что при возвращении из торговой поездки в Константинополь в караване у него «с воза пропало семь эмиров или же привилегий турецких». О термине «эмир» более подробно см. в кн.: Lajos Fekete. Einführung in die osmanisch-türkische Diplomatie. Budapest, 1926, s. XXXI—XXXIII, XLVIII.

⁴⁹ Маршалок—здесь подразумевается управляющий делами, помощник великого везира.

⁵⁰ Талер левковый—серебряная польская монета с изображением льва, весом около 20 г. и содержанием серебра до 12,5 г.

⁵¹ Речь идет о единице турецкой денежной монеты из серебра, называемой по-турецки «акче», по-гречески «аспиро», по-армянски «сиптак», «стак» (*ս[պի]տակ, տակ*) и означающей «белая» монета (см. в кн.: Л. У. Уйшарян, XVII դարի արևմտադարձի շարժումներն Արևմտյան Հայաստանում, Երևան, 1961, էջ 12—16, 17, 19). Курс ее менялся в разное время. Для сравнения укажем, что в середине XVII в. доходы среднего поместья в Турции в течение года равнялись 10—12 тыс. аспр. Эта монета на-

2. Рейсу-эффенди, то есть министру финансов, как за левковые талеры, так и за заключение пакта дал норковых и собольих меховых шкурок высшего качества, за которые заплачено — 12.000 аспр.

3. Маршалку этого министра финансов, чтобы добивался [благополучного] заключения пакта о мире и получения эмиров, за такую услугу дал шкурок меха куньицы на — 5.000 аспр.

4. Бекиру-эффенди, который писал пакт, и за то, что [он], отрезав, с середины [заново] переписал его, и за то, чтобы сам [лично] копию пакта написал, на одежде из красного атласа дал — 2.500 аспр.

5. Чтобы знак султанский турецкий, то есть печать была изображена золотом, дал — 1.000 аспр.

Проценты от этих денег поступили грекам, так же как и его милости князю: на десять—два, [что] составляет — 6.100 аспр.

Вся сумма составляет—36.600 аспр.

Князь, его милость, должен дать 366 левковых талеров.

От господина Миколая Аветиковича взято 9775 аспр. В свою очередь немало израсходовано на приобретение эмиров; и если бы только Ваша милость пожелали узнать, то сообщаю, что в султанскую казну за 4 эмира было дано 6.000 аспр. Остаток дан писарям, бывшим в канцелярии, и за вышеописанную печать—8 аспр.

Во всем доброжелательный

Ваш друг и слуга

*Кжиштоф Серебкович*⁵².

Итак, согласно этому отчету Кжиштофа Серебковича польский посол князь К. Збаражский вносит 366 талеров, Миколай Аветикович 9.775 аспр., а все армянские купцы и дипломаты в целом—36.000 аспр.

Давая оценку усилиям и заслугам дипломатов и купцов из числа польских армян, следует иметь в виду, что в момент заключения Хотинского мирного договора все еще могущественная Османская империя могла, мобилизовав все свои ресурсы, собрать и снарядить в поход сильное войско. Польша же, обескровленная одержанной под Хотинем Пирровой победой (да и то при решающем участии запорожских и донских казаков, вовремя подоспевших на помощь польской армии), не смогла бы устоять. И в этих условиях заключить мир с Османской империей, предотвратить новую военную кампанию—значило оградить страну от большой опасности.

В политической ориентации и деятельности польских армян наблюдалась и другая тенденция, кардинально отличавшаяся от этой, связанной с традиционной политикой мирных и вынужденно союзнических отношений Польши с Османской империей, начало которым было положено мирными договорами 1519 и 1533 гг. Эта новая политическая линия связана с возникновением проектов организации анти-турецкой коалиции европейских стран. И здесь нам следует остановиться хотя бы кратко на яркой личности армянского дипломата, жителя Львова Петра Грегоровича (Петроса Григоряна), деятельность которого также частично протекала в Стамбуле, однако главным образом была связана со двором императора Рудольфа II (1576—1612) и валашского воеводы Михая Храброго (1593—1601), ведшего против османов мужественную борьбу за независимость страны. Польский историк Владислав Лозиньский, обнаруживший архивные документы—опись имущества и бумаг П. Грегоровича, с удивлением писал об этой загадочной, необыкновенной личности, являвшей собой «тип дипломатического и финансового агента, имевшего

ходила в денежном обращении также и в Польше, где нормы ее обмена на польские монеты были установлены в соответствии с королевским указом 1599 г. (см. Wizerunek i szacunek mennic wszelakich cudzoziemskich, jako które w Koronie Polskiej brane i wydawane bydz małą. Uczyniony przez sławnego Kaspra Rytgiera, probiera generalnego. Kraków, 1600).

⁵² ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 2, т. 39 (Акты Львовского магистрата), л. 1256—1257.

широкие связи на Западе и Востоке, известного при дворах Вены, Стамбула и Варшавы⁵³. Бумаги Петра Грегоровича свидетельствовали о получении им и его братом герба и дворянского титула от императора Рудольфа II; они содержали обширную переписку с этим императором и князем Трансильвании, а также документы финансовых расчетов с императорской казной, свидетельства о предоставлении в кредит больших сумм императору Рудольфу II, наконец, грамота о праве на трон Молдавского княжества, выданная трансильванским князем Жигмондом Батори Микхаю Храброму и после его гибели сохранившаяся в архиве Петра Грегоровича. Историком В. Лозиньскому, писавшему о нем в 1892 г., и И. Тинниченко, вслед за ним приводящему в 1895 г. сведения о «довольно загадочной личности» этого политического деятеля⁵⁴, не были известны документальные материалы о деятельности дипломата и полководца Петра Грегоровича⁵⁵, опубликованные историком Н. Поргой в фундаментальном румынском издании Л. Хурмузак⁵⁶. Один из документов, изданных Л. Хурмузак, с армянским факсимиле Петра Грегоровича (*տիր Գրեգոր օգլու Պետրոս*) публикуется в приложении к настоящей работе (см. док. № 1).

Данные из армяно-кипчацкой «Летописи Каменца» и из донесения посла московского царя Бориса Годунова Афанасия Власьева о встречах и переговорах с ним в 1599 г. при дворе императора Рудольфа II в Праге дают нам возможность выяснить характер и целенаправленность деятельности этого, безусловно, талантливого, выдающегося деятеля, развеяв ореол таинственности, созданный вокруг его имени. Являясь верным сподвижником валахского воеводы Микхая Храброго, ведшего с 1595 по 1601 г. вместе со своими союзниками решительную борьбу против гнета Османской империи, Петр Грегорович многое сделал, чтобы наладить контакты и единство действий членов антитурецкой коалиции—Трансильвании, Молдавии, Валахии, империи Габсбургов и России. Во время встречи при дворе императора Рудольфа II в Праге, как сообщает русский посол Афанасий Власьев, посланец Микхая Храброго «ёрмин Петер»⁵⁷, прибывший со своими сподвижниками в ноябре 1599 г. ко двору императора прямо с поля сражения под Шеллибергом, в котором была одержана победа над турецким ставленником, князем Трансиль-

⁵³ Wł. Łozinski. *Patrycja i mieszczaństwo lwowskie w XVI i XVII wieku*. Lwów, 1892. s. 282.

⁵⁴ И. Тинниченко. *Общественная роль армян в прошлом Юго-Западной Руси*, с. 7—8.

⁵⁵ Венгерский хронист Иштван Самошкёзи сообщает следующие данные о нем как о военачальнике: «...Petrus Armenus, qui populus militum cohorti in exercitu Michaelis praefuit» («Петр Армянин, который командовал некоторыми военными когортами армии Микхаила»). Цит. по кн.: Ion Sîrbu. *Istoria lui Mihai Viteazul*, V. II, București, 1907, p. 80, а также см. Stephanus Szamosközy (*Zamoski*). *Erdély története 1598—1599, 1603*, kft. 2, Budapest, 1977.

⁵⁶ См.: *Documente privitoare la Istoria Românilor*, culese de L. Hurmuzaki vol. IV, partea I. București, 1882; *ibid.*, vol. XII, 1903. В дальнейшем в 30-е годы XX в. был опубликован еще целый ряд документов о деятельности Петра Грегоровича в цепном издании А. Вереща. *Documente privitoare la Istoria Ardealului, Moldovei și Tarii-Românești*. Ed. A. Veress. Buc., 1932—1933, vol. 5—6. На основе издания Л. Хурмузак и А. Вереща армянский исследователь из Бухареста Д. Гжрия опубликовал очерк о жизни и деятельности Петра Грегоровича (см. *Историко-филологический журнал*, Ереван, 1960, № 1, с. 97—109).

⁵⁷ «ёрмин Петер», очевидно, от венгерского слова «örmeny» ёрмен—армянин. Аналогичную форму этого имени встречаем в латинской хронике Иштвана Самошкёзи («Ex scriptis Petri Ormeni...») и в одном из немецких документов XVI в.: «...und als sich Ormeny Peter zur weit hervor gelassen...» (*Documente...*, ed. A. Veress, vol. VI, p. 193—194).

стран Европы с Русским государством для совместной борьбы против экспансии Османской империи.

Рассмотрение деятельности дипломатов-армян, находившихся на службе Речи Посполитой, дает возможность проследить их активное участие в дипломатических сношениях Польского государства с Османской империей в один из периодов наиболее обострения турецко-польских отношений. Они выполняли роль переводчиков-толмачей, секретарей посольств, гонцов и т. п. Важную роль сыграли ливонские армяне—купцы и дипломаты—в деле заключения Хотинского мирного договора 1623 г., который отвратил угрозу готовившегося нового похода турецкой армии на земли Украины и Польши.

Приложение

Док. № 1

1559 г., июля 22.—Донесение дипломата и полководца, армянина Петра Грегоровичи эпископу Максимилиану о своем посольстве к императору Рудольфу II в Прагу и о событиях в Трансильвании и Валахии.

«После того как я был отпущен моим милостивым господином, военачальником Михаем с чрезвычайно важными делами, нужными также и всему христианскому миру, к Его величеству императору в Прагу, теперь, после выполнения задания, я вновь спешу домой⁶⁴. Однако считаю должным покорнейше уведомить Вашу светлость и поставить Вас в известность, что в соответствии с моим настоянием, и вновь был послан Вашим высочеством с этим всемилостивейшим ответом. Надеюсь, что мой милостивый господин [Мпхай] будет доволен этим так же, как и я. И хотя я намеревался лично прибыть и представиться Вашей светлости, как и оказанных мне Вами милостей и благодеяний (и как это было приказано мне моим милостивым господином), однако на этот раз невозможно было предпринять в спешке и совершить эту поездку. Сним всемилостивейше прошу Вашу светлость простить меня и милостиво отнестись это за счет неизбежной необходимости, о которой было сказано выше.

Никаких других новостей у меня нет. Смее лишь напомнить Вашей светлости о том, что Сигизмунд Батори в настоящее время находится в Польше, а кардинал [Андраш Батори] владеет его страной⁶⁵.

⁶⁴ Т. е. в Валахию, где находились отцовские земли Петра Грегоровича и где он проживал в эти годы.

⁶⁵ Речь идет о сыне короля Пшитвана Батори, князе Жигмонде Батори, правившем с 1588 г. (после смерти отца) Трансильванским венгерским княжеством. Проводя последовательную антитурецкую политику, он подавил в 1591 г. выступление протурецкой оппозиции среди трансильванской знати, затем заключил антитурецкий союз с императором Рудольфом II, воеводой Валахского княжества Михаем и господарем Молдавского княжества Ароном. После неудач в войне с турками, видя невозможность ведения борьбы с Османской империей без помощи Габсбургов, князь Жигмонд Батори заключил в 1597 г. соглашение с императором Рудольфом II о передаче власти в Трансильвании его представителям. Но Габсбурги не спешили с присылкой войск для защиты Трансильвании от турок. Героические защитники венгерской крепости Падьявард в октябре—ноябре 1598 г. избавили страну от османского вторжения. В 1599 г. Трансильвания, которую поддерживала лишь Валахия, оказалась перед лицом нового вторжения турецких войск. Желая спасти страну и находясь в безвыходном положении, князь Жигмонд Батори передал 29 марта 1599 г. власть над Трансильванским княжеством стороннику турецкой ориентации кардиналу Андрашу Батори и удалился в Польшу.

Кардинал уже мирится с турком, из-за семиградской присяги на верность⁶⁶. Он завербовал достаточное количество людей и с ними намерен выступить. Что касается враждебности его намерений, я, собственно говоря, не могу знать, но думаю, что нельзя предвидеть ничего хорошего, так как кардинал хочет снова удалиться и уступить страну своему брату Батори Иштвану.

Поскольку пока не произошло никаких перемен, делам же Его величества не оказывается содействие, то мой милостивый господин, со своей стороны, животом и жизнью выполнит то, что необходимо стране и ему и что послужит делу ее защиты. Он будет обязан и ответственен, как подобает покорному верноподданному императорского величества, не только не допустить, чтобы дело не стало за Валахией, но и приложить много усилий относительно Семиградья; известие об этом вскоре будет увидено и услышано⁶⁷. И так как он все это обязуется сделать согласно верноподданническому долгу, как подобает в этом случае, в силу общего христианского учреждения и порядка, да поможет ему господь в счастливом осуществлении [замыслов] и да сохранит его от коварной силы врага.

Верноподдапейший и покорнейший слуга

Петрос, сын тэр-Григора»⁶⁸.

1616 г. 15 сентября. — Внесение в актовые книги Львовского магистрата рескрипта короля Сигизмунда III, предписывающего закончить до 3-го ноября 1615 г. дело о финансовых претензиях наследников Петра Грегоровича к императорской казне и незамедлительно возратить императорскому двору вещи и бумаги покойного.

Petr. Gregorovicz.

Док. № 2

1616 г., сентября 15. — Внесение в актовые книги Львовского магистрата рескрипта короля Сигизмунда III, предписывающего закончить до 3-го ноября 1615 г. дело о финансовых претензиях наследников Петра Грегоровича к императорской казне и незамедлительно возратить императорскому двору вещи и бумаги покойного.

«Происходило во Львове в субботу, в день святой избранницы Ядвиги, в году господнем 1616-ом⁶⁹.

Объята⁷⁰ указа святого королевского величества или жалобы наследников Петра Грегоровича.

Представ лично перед Советом города Львова, генеральный коронный возный Амвросий Езык, хорошо известный членам Совета, по делу лавинка (члена городского суда, — Г. П.) львовского гражданина, почтенного Иоанна Алембека, как поверенный друг благородного Стефана Шмидта, казначея святого императорского

⁶⁶ Андраш Батори, выступая как новый правитель Трансильвании, начал переговоры с турками и предложил им принести присягу на верность Османской империи.

⁶⁷ Намек на готовившееся в это время вторжение войск воеводы Михая Храброго в Трансильванию, откуда 28 октября 1599 г. был изгнан сторонник турок Андраш Батори.

⁶⁸ Перевод немецкого текста донесения Петра Грегоровича с его собственноручной подписью на армянском языке осуществлен с издания, подготовленного Н. Йоргоп. См.: „Documente privitoare la Istoria Romanilor“, vol. XII al colectiei „Hurmuzaki“. Acte relative la razboaiele si cuceririle lui Mihai-voda Viteazu, adunate si publicate de N. Jorga. Bucuresti, 1903, pp. 440—441.

⁶⁹ Т. е. 15 сентября 1616 г. Дата установлена на основе записи на с. 757 данного тома актов.

⁷⁰ Объята — запись в актовой книге полного текста документа или заявления.

величества⁷¹. [в силу] своей правдивой и честной реляции открыто и во всеулышание заявил:

«Будучи спрошен упомянутым Иоанном Алембеком, как представителем Львовского магистрата, я подал для внесения в акты указ или письменную жалобу с печатью и подписью святого королевского величества против наследников уважаемого покойного Петра Грегоровича, армянина, убитого в предыдущем году в Валахии. [Предъявление королевского указа происходило] сегодня в доме славного Бартоломея Шимоновича, львовского гражданина, в доме, который находится около дома архиепископа, с одной стороны, и армян Торосовичей—с другой, поружной стороны, где упомянутые наследники с задней стороны имеют свое жилище. Никого из них там не оказалось, однако домашние сообщили, что они [наследники] находятся в Валахии и, дабы избежать военных беспорядков⁷², отбыли к отцовскому дому, чтобы повидаться со своими родными». Известно, однако, что один из наследников благородный Христофор Посифович, племянник по родному брату⁷³ упомянутого покойного Петра Грегоровича, который еще не достиг совершеннолетия и находится под опекой и под кровлей уважаемого Марка Шафенбергера, лангика, гражданина города Львова. По этому опекуну он подал такую жалобу и относительно этой реляции подал для записи в акты магистрата жалобу такого содержания.

Содержание рескрипта или жалобы святого королевского величества

«Сигизмунд III, божьей милостью король [полный титул].

Славным наследникам покойного Петра Грегоровича, армянина, которые остались [после его смерти], истинно нам милым нашу королевскую милость [даруем]. Славные, истинно нам милые! Согласно письму его величества императора и в соответствии с частыми жалобами самого благородного императорского канцлера Стефана Шмидта и его уполномоченных относительно столь длительного задержания его [Петра Грегоровича] вещей и бумаг, запертых Вами, мы не хотим, чтобы и далее наносился ущерб и создавались трудности, ввиду задержки Вашими милостями вещей покойного. Ибо получается так, будто нарочно оттягиваете с этими вещами и хотите причинить им большой ущерб. Поэтому мы назначили определенное время Вашим милостям—третий день ноября месяца, когда Вы должны появиться без проволочек и всевозможных уверток, и чтобы долг—если таковой имеется—достоверно показали. Указываем, при условии проигрыша всего дела и утраты долга, на который Вы намерены претендовать, что мы [хотим закончить дело и] не желаем более обременять себя этими жалобами. Очевидно, сделаете Вы это ввиду своей обязанности и дабы не утратить нашу милость.

Дан в Варшаве дня 15-го, месяца сентября, в году господнем 1616-ом, на 19-ом году нашего королевского польского правления и на 23-ем году—шведского правления. Сигизмунд, король. Якоб Задзик, секретарь королевской канцелярии.

После этой реляции и внесения [королевского рескрипта] в акты, упомянутый Марк Шафенбергер сделал заявление. Он попытался внести такого рода жалобу от имени и на пользу своего клиента Христофора, ибо остается едва лишь 12 дней

⁷¹ Имеется в виду император «Священной Римской империи германской нации» Маттиас Габсбург (1612—1619).

⁷² Речь идет о военных действиях 1616 г. во время похода в Валахию отрядов князей М. Вишневецкого и С. Корецкого, разгромивших у селения Татарены войска турецкого ставленника, господаря Стефана Томши.

⁷³ В документе имеется в виду Посиф, родной брат Петра Грегоровича, который также был видным дипломатом и, находясь на службе у Габсбургов, в 1609 г. ездил в качестве официального посла императора Рудольфа II в Иран, чтобы договориться с шахом о совместных военных действиях против Османской империи.

до [истечения] срока. Но поскольку эта акция может произойти лишь в присутствии всех заинтересованных наследников, а они почти все недавно выехали в Валахию на отцовскую землю, в частности, славный Никол Ханкович, армянин, львовский гражданин, от своего имени и имени [братьев] наложил арест на это имущество Петра Грегоровича, [своего дяди], и заявил, что хочет эту жалобу вручить им и напомнить, чтобы до указанного срока вновь прибыли. Однако за столь краткий срок едва ли это может быть осуществлено. И все же [при рассмотрении] дела своего клиента он не будет отсутствовать на суде. По поводу всего этого упомянутый Иоанн Алембек попросил от имени Стефана Шмидта, имперского казначея, и получить разрешение на внесение [протеста] в акты Львовского магистрата».

Центральный государственный исторический архив УССР
во Львове, ф. 52, оп. 2, т. 33 (Совет города Львова),
с. 759—761. Рукопись Оригинал. Пер. с лат. и польск. яз.

ԼԵՀԱԼԱՅ ԴԻՎԱՆԱԳԵՏՆԵՐԻ ԴԵՐԸ ԹՈՒՐԳ-ԼԵՀԱԿԱՆ ՀԱՐԱՐԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ XVII ԴԱՐԻ ԱՌԱՋԻՆ ՔԱՌՈՐԴՈՒՄ

Գ. Պ. ՊԵՆԴԻՐՅԱՆ

Ա Վ Փ Ն Փ Ո Ւ Մ

Նոր արխիվային նյութերի հիման վրա հողվածում լուսարանվում է XVII դարի առաջին քառորդին լեհահայ դիվանագետների գործունեությունը Օսմանյան կայսրության մայրաքաղաքում: Թուրքիայում լեհաստանի դիվանագիտական ծառայությունը ղգալի չափով հրականացվում էր լվում, Կամենեց-Պոդոլսկում և այլ քաղաքներում ապրող հայ դիվանագետների ու առևտրականների մասնակցությամբ ու միջնորդությամբ: Երկրի արտաքին քաղաքական գերատեսչությունում հայերը երբեմն ղրադեցնում էին բարձր պաշտոններ, նրանք ուղարկվում էին Ստամբուլ նաև որպես դեսպաններ, դեսպանությունների քարտուղարներ ու թարգմանիչներ: Դրանք էին՝ հայատուր Սերեպկովիչը, Նիկողոս Ավետիկովիչը, Իվաշկո ու Սիմոն Վարթեհիսովիչները, Թոմաշ Կամենացին, որոնց վստահված են եղել խիստ պատասխանատու միսիաներ: Ստամբուլում, որտեղ լեհահայերը լայն կապեր ունեին սուլթանական արքունիքի հետ, հայ առևտրականներին ու թարգմանիչներին հաճախ հաջողվում էր անել այն, ինչ չէր հաջողվում անել լեհ դեսպաններին: Առաջին անգամ շրջանառության մեջ է դրվում դիվանագետ խաչատուր Սերեպկովիչի ֆինանսական հաշվետվությունը: Այս արժեքավոր փաստաթուղթը պարզաբանում է 1623 թ. հոբիի հաշտության պայմանագրի կնքման հանգամանքները և այն դերը, որ խաղացին լեհահայ դիվանագետները այդ գործում: Հայ դիվանագետները մեծապես նպաստել են թուրքական գերությունից լեհ հայտնի քաղաքական ու ռազմական գործիչների՝ իշխաններ Ստեֆան Պոտոցկու, Սամուիլ Կորեցկու ազատմանը: Հողվածում քննարկվում է լվումահայ հայտնի դիվանագետ ու գորավար Պետեր Գրեգորովիչի (Պետրոս, որդի տեր Գրեգորի) գործունեությունը, որը 1607 թ. կայսր Ռուդոլֆ II-ի դեսպանն էր Ստամբուլում: Պետեր Գրեգորովիչը մեծ ավանդ է ներդրել XVI դարի վերջին և XVII դարի սկզբներին եվրոպական երկրների կողմից հակաթուրքական լիգայի (Ավստրիա, Վալախիա, Մոլդավիա, Տրանսիլվանիա և Մոսկովյան պետություն) կազմակերպման գործում: Կամենեցյան տարեգրության վկայություններն ու լվովի պատմական արխիվի փաստաթղթերը հնարավորություն են տալիս լուսարանել Պետեր Գրեգորովիչի գործունեության և կյանքի վերջին՝ քիչ հայտնի ժամանակաշրջանն ու նրա ողբերգական վախճանը (սպանվեց 1615 թ. սեպտեմբերին թուրքերի դրածո վոյեվոդա Ստեֆան Թոմշայի հրամանով):